

ПЕРЕЧЕНЬ КОРАБЛЕЙ В «ИЛИАДЕ» ГОМЕРА

Резюме. В статье рассматривается значение «Списка кораблей» по отношению к целостному содержанию «Илиады» в связи с проблемой личного и общего.

Ключевые слова: «Илиада», композиция, «Перечень кораблей»; *Iliad, composition, The Catalogue of ships.*

В современных комментариях мы часто находим мнение, идущее издревле, о том, что список кораблей является позднейшей вставкой (Виппер 1995: 42; Тронский 1935: 93 и др.). Перечисление местностей, приславших корабли, принято анализировать как отражение исторических реалий (ср.: Брагинская 1993: 10, 14; Тахо-Годи 1972).

Каталог кораблей – огромное, в несколько сотен стихов перечисление вождей отрядов, приплывших из разных мест Греции, появляется в тексте после совета, который Агамемнон получает от Нестора: построить перед сражением войска в соответствии с местностями, откуда они приплыли: «*Пусть помогает колено колену и племени племя*» (II, 364). Гомер иногда указывает, сколько человек помещалось на корабле (когда сто двадцать, когда пятьдесят), иногда не говорит об этом. Всё же перечень даёт представление об общем количестве данайцев. Не все имена вождей, упоминаемые в списке, фигурируют в дальнейшем тексте¹. Исследователи неоднократно указывали, что перечень кораблей слабо связан с основным содержанием «Илиады» (ср., напр.: Тронский 1935: 623).

Однако Аристотель в «Поэтике» неоднократно говорит о композиции «Илиады» как об идеальном художественном решении (Аристотель 1983: 673, 654–655, 674). Восхищаясь Гомером, Аристотель упоминает список кораблей как часть совершенной композиции. Построение «Илиады» в его глазах замечательно драматическим принципом единства действия, и список кораблей не нарушает, а поддерживает данный принцип.

¹ Гомер обыгрывает это противоречие: он говорит, что и не знает всех, только музы бессмертные знают, и всё же берётся перечислять с их помощью хотя бы вождей. Однако эта оговорка даёт нам почувствовать, что музы-то знают и помнят всех – что подчёркивает значимость каждого воина.

Мнение Аристотеля остаётся незыблемым основанием для маститых учёных XX века, но присутствие перечня кораблей, вопреки его оценке, часто в лучшем случае не обходится без оговорки (ср.: Ярхо 1983: 324; Зайцев 1997; Kirk 1985).

Новое решение «гомеровского вопроса» в XX в. противоречит представлению о случайном характере появления перечня кораблей (ср.: Гордезиани 1988: 152–153; 165). Теперь список кораблей должен быть определён как необходимая часть поэмы. Он находит своё оправдание (тоже традиционное) как приём ретардации (Зайцев 1990: 405).

Такое объяснение оправдано и приёмами повествовательного искусства, в частности фольклорного. Естественно предположить, что ретардация используется вполне осознанно с учётом сохранения древней традиции. Однако возникает вопрос, можно ли считать, что традиция сохранена механически, что большой элемент текста имеет чисто формальное назначение? Аристотель, как известно, отрицательно оценивал эпизоды, не связанные с основным сюжетом, но список кораблей он явно не считал таким эпизодом (Аристотель 1983: 656).

Представляет интерес соотношение в «Илиаде» фольклорного и авторского начал. И. В. Шталь, исследуя фольклорные элементы и традиции в «Илиаде», приводит примеры, когда сила и отвага героев находятся в соответствии с количеством воинов, приведённых под стены Трои: «чем доблестнее герой, тем многочисленнее его дружина, тем могущественнее его племя» (Шталь 1983: 79).

Но идея пропорциональности не всегда срабатывает. Ахилл явно не вписывается в эту закономерность – у него не сто, как у Агамемнона, а всего пятьдесят кораблей. Из двоих Аяксов «Мощный Аякс Теламонид» привёл всего «двенадцать судов саламинских», а сын Оилея Аякс (быстроногий) – «Меньше он был, не таков, как Аякс Теламонид могучий» – «сорок чёрных судов», – но в конце списка кораблей говорится, что именно Аякс Теламонид (двоюродный брат Ахилла) был после него «мужем отличнейшим» (II, 768), то есть занимал второе место в ахейском войске. Здесь уже мера героя – это не количество воинов и кораблей, а другой герой.

Кроме того, при традиционном для фольклора единении народа и вождей наиболее естественным было бы изображение войны только как внешнего конфликта. Здесь не нашлось бы места гневу Ахилла. Это ведёт нас к вопросу об отношениях у Гомера героя и массы. Отход поэта от фольклорной модели при использовании традиционного в архаическом эпосе описания расстановки сил явно понадобился для авторской трактовки ситуации.

Две характеристики: количественные соотношения сторон и отношения между героем и массой – тесно связаны между собою. В своей речи о причинах затянувшейся на девять лет осады, Агамемнон не скрывает, что ахейцев намного больше, чем троянцев. Причину того, что они при столь значительном перевесе никак не могут взять Трою, Агамемнон видит в поведении троянских героев:

...Но у них многочисленны други,
храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои
(II, 130–133).

Следующий за этой сентенцией список кораблей наглядно подтверждает тезис о численном превосходстве ахейцев. Взять Трою мешают её герои. Главный из них – Гектор. Агамемнон тогда же приносит жертву Зевсу и молится о победе:

Славный, великий, Зевс, чернооблачный житель эфира!
Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,
Чёрных от дыма, и врат не сожгу их огнём неугасным;
Прежде, чем Гектора лат на груди его не расторгну,
Медью пробив...(II, 417).

Моление Агамемнона – речь верховного вождя, который себя считает главным соперником герою противной стороны. Но его ожиданию не суждено сбыться. В конце поэмы Гектор сражён не его рукою. Гегель отметил это событие как реальный финал «Илиады» (Гегель 1971: 450). Таким образом, тема судьбы Гектора как судьбы Трои задана в начале поэмы. Если вспомнить, что для греков, с их традициями агональной культуры, победитель – избранник богов, то именно этот акт наиболее убедительно завершает распрю между Ахиллом и Агамемноном.

Ахейцы тоже сильны героями. Список кораблей, описание строящегося воинства, начинается с Агамемнона.

Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой Агамемнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом – Арю великому, персями – Эннисогею.
Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный
(II, 476–481).

Верховный вождь подан в полном соответствии с фольклорной традицией, по которой формальный лидер – обязательно и совершенный герой. Гомер внешне соблюдает традицию – а между тем из уст Ахилла Агамемнон уже получил в первой

песни прозвание «царь пожиратель народа», уже началась ссора и оскорблённый Ахилл уже отказался участвовать в дальнейших сражениях². И это обстоятельство подчёркивается неоднократно. Бездействующий Ахилл присутствует в списке кораблей более чем кто-либо иной. Ещё до начала перечня Агамемнон высказывает сожаление о ссоре с Ахиллом: «Если же некогда мы съединимся с героем, уверен, / Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит»³ (II, 379–280). В последней трети списка кораблей четырнадцать строк (II, 681–694) посвящены кораблям мирмидонцев, приведенных Ахиллом – «Но народы сии о гремящей не мыслили брани», причём говорится о причине бездействия Ахилла. Когда же список завершён, Гомер ещё на протяжении двадцати строк (II, 760–779) возвращается к Ахиллу. После полного представления всех ахейских героев с их воинами возникает вопрос: «Кто же из них знаменитейший был?» – оказывается, что «Пелид ... был могучее всех их», – и Гомер ещё раз напоминает о причинах его гнева и бездействия, живописуя также и вынужденных скучать мирмидонцев⁴.

Таким образом, список кораблей с его множеством героев и рядовых воинов соотнесён с двумя ориентирами: троянским воинством и с главным героем – Ахиллом. Благодаря этому осознаётся его удивительное положение: он одновременно и принадлежит воспеваемому Гомером множеству ахейских бойцов и героев – и отделён от него.

Сюжетобразующая роль этого обстоятельства рассматривается как чисто формальный приём, например, у В. Н. Ярхо, который отмечает, что гнев надолго выводит Ахилла из числа действующих лиц и тем самым даёт возможность проявить себя всем прочим героям (Ярхо 2001: 120).

Среди ценностей ахейского мира уже сформировалось представление о важности не только личной чести, но и организованности, единоначалия. Несомненно, Ахилл это знает, – иначе

² Развенчание Агамемнона совершается при соблюдении внешних знаков почтения – так же Гомер поступает и с богами. Не отрицается сила, но осознаётся несовершенство.

³ В подлиннике сказано: «Если у нас наконец будет единомыслие». И. М. Тронский видел здесь вольность переводчика (Тронский 1935: 622), но, возможно, Гнедич исходил именно из контекста второй песни.

⁴ Присутствие Ахилла этим не ограничивается. В списке ахейских кораблей он упомянут, чтобы дать представление о красоте юного Нирея: тот «прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида» (II, 674). А в следующем затем перечне троянских сил Гомер указывает героев, которых Ахиллу предстоит сразить. Правда, он не открывает заранее, кто победит Гектора.

в конце ссоры, убрав в ножны меч и не бросившись на Агамемнона, не произнёс бы слов о необходимости покоряться воле богов⁵.

Список кораблей позволяет увидеть смысловые акценты, относящиеся к характеристике общей массы. Она тоже оказывается носителем двух противоположных свойств – и бурно стихийной общности людей, и структурно организованной. Н. Н. Казанский исследовал трансформацию образа ахейского воинства в начале поэмы: «... есть основания говорить о композиционной идее, основанной на языковой метафоре: социальный порядок приходит на смену бурным разногласиям, бурные споры (народ, шумящий как море) сменяются строгим порядком каталога кораблей. <...> Перечень кораблей нужен певцу как картина стройности ахейской организации, как противовес бурным спорам, предшествующим его появлению в тексте» (Казанский 1997).

Но Ахилл не является антагонистом этого организационного начала. В списке кораблей подчёркнуто не только величие Ахилла-воина, но и значение Ахилла-военачальника. Дважды упоминаются рати, потерявшие предводителей: уже погиб Протесилай и его заменил брат; на острове Лемносе оставлен Филоктет, страдающий от незаживающей раны. В обоих случаях находим похожие формулировки: «*Рать не нуждалась в вожде, но о нём воздыхали о храбром*» (II, 709), «*Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета*» (II, 726). В третий раз Гомер употребляет близкое выражение, завершая список кораблей упоминанием бездействия Ахилла и его воинов: «*...они, предводителя храброго алча, / Праздные, с края на край по широкому стану бродили*» (II, 778–779). Разница в том, что мирмидоняне не только грустят о вожде – они-то как раз **остались без вождя**. То есть список кораблей начинается с описания гордого верховного военачальника Агамемнона, а заканчивается сообщением, что рать осталась без вождя, и хотя формально речь идёт о мирмидонцах, можно понять, что касается это и всего греческого войска. Таким образом, подчёркнута актуальность конфликта и значимость этого массового персонажа – всех ахейских воинов.

Список кораблей предстаёт не только как перечисление, но и изображение непосредственно действующих лиц, этого самого народа. Перечень кораблей в таком случае можно рассмотреть в

⁵ Таким образом, Ахиллу свойственна не только стихийность, но и мудрость, и – как ни странно – что-то вроде самодисциплины, что особенно поразительно, поскольку он предстаёт, может быть, самым свободным героем в мировой литературе: сын богини и царя.

его двуедином значении: он состоит из множества частей, но в то же время представляет целостное явление. В таком случае важны и интересны не отдельные характеристики, а их взаимосвязь и совокупность.

В списке кораблей Гомер перечисляет места, откуда прибыли воины, – края, острова, населённые пункты, рядом с которыми упоминаются то реки, то берега, *стадам голубиным любезные*, то нивы или пастбища, иногда *заветная роща*, иногда местное предание, иногда общегреческий миф и герой – это создаёт впечатление пестроты, богатства, многообразия. Эти упоминания беглы, кратки, но всегда выражают восхищение и любовь, создают не только образ земли людей, но и образ её восприятия. Любовь к ней равна любви к жизни и рождает пафос и эстетику названия, характерные для гомеровского стиля. Перечисление ахейских вождей и их кораблей и воинов совершается в мажорном тоне: для эпохи Гомера воинственность и любовь к жизни – почти синонимы. Вожди выделяются не только славными предками, среди которых оказываются иногда и бессмертные боги, или сами именуются богоподобными (эти традиционные хвалы не обязательно выводят такого персонажа на центральные позиции), но и организаторскими способностями, умением предводительствовать. Особо подчёркиваются самые сильные стороны каждого из героев.

Ахилл начала поэмы в своих ратных трудах – плоть от плоти греческого войска, он превосходит остальных количеством силы и мужества, но суть их такова же, как и у прочих. Его неистовая свирепость во второй половине поэмы имеет совершенно иное качество и порождена известными причинами, без них не могла бы появиться.

Список кораблей останавливает наше внимание на разладе Ахилла с ахейским войском как на конфликте внутреннем. Сложность в том, что этот конфликт, впервые осознаваемый в истории литературы, трудно описать с помощью традиционных фольклорных средств. Внутренняя речь в поэмах Гомера отсутствует – всякое слово обращено к конкретному отдельному собеседнику, будь это человек, божество или даже конь, с которыми Ахилл однажды вступает в полемику. Однако в списке кораблей, при полном отсутствии чьей-либо речи, кроме авторской, обозначению этого весьма сложного конфликта служит ряд оппозиций: ахейское войско – троянское войско; множество воинов – немногие, но славные герои; готовящаяся к битве рать ахейцев – бездействующие вместе с Ахиллом мирмидонцы; присутствующий формальный лидер Агамемнон – отсутствующий неформальный лидер Ахилл; формально обозначенный повод войны как восстановление справедливости – вопиющая несправедливость по отношению к славнейшему из героев.

Последнее противопоставление резко подчёркнуто в гневной речи Ахилла, когда он в девятой песни отказывается принять дары Агамемнона. Всё это определяет суть дальнейшего развития действия.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что список кораблей действительно является весьма значимой частью композиции и организует не только событийный ряд, но и смысловые акценты поэмы. В самой же поэме мотивировка действий, выбор ценностей имеет не меньшее значение, чем внешнее действие.

Однако остался ещё один – начальный вопрос: о том, что список кораблей выглядит несколько избыточной количественной характеристикой. Он может казаться правомерным только в том случае, если мы разделяем точку зрения, сформулированную В. Н. Ярхо: «Масса остальных воинов присутствует только для того, чтобы на её фоне ещё ярче засиял героизм единиц» (Ярхо 2001: 167). Это не вполне справедливо. Изменение представления о герое изменило и представление о массе. Войско ахейян (как и троянцев) состоит из смертных людей – живых и идущих в смертный бой. Так же, как и Ахилл, они знают, что смертны. Они выбирают мужество в битве. Так же, как Ахилл. Здесь, может быть, самый главный конфликт «Илиады» – между божественным произволом и человеческой волей. Список динамичен – это картина построения, исполненная поэтичности, сознания значительности начинающегося действия. В трагическом противоборстве войск, в противоречии ценностей человеческое начало осознаёт и своё величие, и свою хрупкость. Пафос гомеровского творчества, с которого начинается антропоцентрический гуманизм античности, неотделим от этого момента сюжета. Может быть, лучше всех почувствовал и выразил это Ф. И. Тютчев в стихотворении «Два голоса», оканчивающемся такими строками:

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побеждённый лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец!

Литература

- Аристотель 1983 – Аристотель. Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – М: Мысль. Т. 4. С. 645–680.
- Брагинская 1993 – Брагинская Н. В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. Сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. М.: РГГУ. С. 231–256.
- Виппер 1995 – Виппер Р. Лекции по истории Греции. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. Ростов н./Д.: Феникс.
- Гегель 1971 – Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4-х т. Т. 3. М: Искусство.

- Гомер 1990 – Гомер. Илиада / Перевод Н. И. Гнедича. Л.: Наука.
- Гордезиани 1988 – Гордезиани Р. В. «Илиада» и «Одиссея» – памятники письменности // Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев, Н. А. Чистякова, Т. Ю. Бородай и др. / М.: Наука. С. 146–166.
- Зайцев 1990 – Зайцев А. И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада. Л.: Наука. С. 395–416.
- Зайцев 1997 – Зайцев А. И. Древнегреческий топоним Этеонос и метрическое удлинение в микенскую эпоху // Классические языки и индоевропейское языкознание. Материалы чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения И. М. Тронского. СПб. С. 19–21.
- Казанский 1997 – Казанский Н. Н. Язык диктует. // Материалы XXVI Межвузовской конференции преподавателей и аспирантов СПбГУ. Вып. 3.
- Тахо-Годи 1972 – Тахо-Годи А. А. Мифологическое происхождение поэтического языка «Илиады» Гомера // Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. М.: Наука. С. 196–215.
- Тронский 1935 – Тронский И. М. «Илиада». Комментарии и примечания // Гомер. Илиада. М.; Л.: Academia. С. 611–662.
- Шталь 1983 – Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. М.
- Ярхо 2001 – Ярхо В. Н. Эпос. Ранняя лирика // Древнегреческая литература: Собрание трудов. (Серия «Античное наследие»). М.: Лабиринт.
- Ярхо 1983 – Ярхо В. Н. Гомеровский эпос // История всемирной литературы. В 9 т. М.: Наука. С. 316–328.
- Kirk 1985 – Kirk G. S. The Iliad: A Commentary. Vol. 1: Books 1–4. New York: Cambridge Univ. Press.

Summary

G. M. Temnenko. «The Catalogue of ships» within the Homeric Iliad.

The compositional peculiarities of «The Catalogue of ships» in the Iliad are discussed from the point of view of the poem's structure.